

Михаил НИСЕНБАУМ

В СИЛАХ

Песня на склоне

Мы жители Помпей году в семидесятом.
Мы слышали жреца – сулит который год:
Нахлынет с неба бог, плеща огнем косматым,
расплавленным свинцом рот городу зальет.

Мы сами видим дым над ближнею горою,
ступнями слышим гул и чуем серный смрад,
но есть и среди нас бесстрашные герои,
плюс поспевает хлеб и зреет виноград.

Да, несколько семей переезжают в Рим,
иные в Тир плывут, а кто-то в Иудею.
Ну не безумье ли бежать в Ершалаим,
куда огонь падет быстрее, чем в Помпеи?

Мы знаем, как тучна удобренная пеплом
помпейская земля, как щедр приплод олив.
До моря два шага. На небосклоне светлом
ночами блещет лед, нас смехом звезд залив.

В палестре крик борцов, в театре ставят Плавта,
пьют лары в уголке столетнее вино.
От дедовских могил отчалив, аргонавты
сбегают от огня и ищут жар-руно.

Нет силы выбирать одно из двух безумий,
и так ленивы дни, когда болит душа!
А мы сидим и ждем, когда рванет Везувий.
Слегка дрожит земля, погодка хороша.

Михаил Нисенбаум родился в 1962 году в Нижнем Тагиле. Работал художником-оформителем и маляром, был учеником и секретарем проф. А.Ф. Лосева, двадцать лет преподавал латынь, занимался редакционно-издательской деятельностью. В настоящее время читает лекции по истории искусства, участвует в экспедициях по Русскому Северу, снимает документальное кино. Рассказы публиковались в журнале «Октябрь». Автор нескольких книг стихов и прозы.

Разговор с Ноем

Когда все в мире пошло не так?
Есть мнение, что на ковчег
тайком с другими прокрался враг,
и, в общем, спасли не тех.

Гремучей рептилий, коварней гиен,
жестоковейней осла,
он плыл с другими и ночь, и день
и ждал, что утихнет мгла.

Когда же вынесли воды ковчег
на зимнее темя горы,
сошел на берег враг-имярек
в соленных ризах седых.

И всех, кого казнящей волной
не скрыло в утробе морей,
спасешь ли ты, прародитель Ной,
от нас, твоих сыновей?

Тобой спасены убийство и мор,
неправый суд и война,
неистовость вер, клеветы задор,
вся пагуба спасена.

Тут мокрой от брызг морских бородой
кивнул, прищурясь чуток,
и мне отвечает праотец Ной:
– Взгляни пошире, сынок!

Гуляет в каждом из нас ад,
его не зальешь водой,
и бездны в наших душах бурлят
непоправимой бедой.

Но черт побери, осанна, виват! –
простите мне мой иврит! –
в каждом из нас есть свой Арарат,
оттуда улетный вид!

Там каждый миг драгоценен, как жизнь,
там мил каждый божий цвет,
там люди очнувшись за ум взялись,
и розни меж ними нет.

Там лечат больных и любят детей
по-райски сады растят,

там нежно дружат араб и еврей,
ей-крест, уж поверь мне, брат!

Там миром все сочиняют псалмы,
ковчеги, стихи, города,
там вместе не хуже, чем порознь мы,
такая вот ерунда.

Там люди, пожалуй, не злее зверей,
не хуже цветов, ей-ей!
Спасемся все вместе мы, слышишь, брат? –
причаливай – вон Арарат!

– Но в мире по-прежнему все не так,
и кто на ковчеге чужой?
И что тот ковчег – «Титаник»? Барак?
Скажи, прародитель Ной!

А твой Арарат – не гора ли льда,
в какую врежемся мы?
И кто спасется, доплыв туда
сквозь волны, войны и тьмы?

Спуская трап, праотец молчит,
его загадочен вид,
власы развеваются на ветерке,
топор наготове в руке.

Стакан. Весна

Горящих радуг след,
в стакане замерев
с водой,
ты преломляешь свет –
так преломляют хлеб –
со мной.

В силах

Змей воздушный с узким лицом
рвется бежать за ветром-отцом
по сквозняков июльским волнам,
льнет к бестелесным льнам.

А на другом конце бечевы
мальчик летит через дрожь травы,
змея выгуливая налегке,
повод сжимает в руке.

Кто и кем управляет здесь –
свет насущный даждь нам днесь:
змей человека за небом ведет
или наоборот?

У человека в руке поводок,
но он за змеем бежит со всех ног.
Может, ветер, отец-поводырь
тянет их через пустырь?

Или главное та, что следит,
как легкий змей к облакам летит,
девочка, ради нее что есть сил
мальчик вперед припустил?

Взгляд сейчас я перекрою:
именно так и было в раю –
мальчик, девочка, тот же змей
с узким лицом меж ветвей.

Мальчик несется, змей летит,
девочка за полетом следит.
Кто бы ни управлял тут и кем –
так устроен Эдем.

Ирод

Приходит Ирод помолиться в храм,
воздвигнутый по царскому велению.
Жрецы смиренно жмутся по углам,
клубится дым смолистого куренья.

Охрана вносит царские дары:
треножники, кадила, кубки, чаши.
Хор мальчиков, молчавший до поры,
вовсю блажит хвалебные пассажи.

Царь бледен, хмур, он встал не с той ноги
и морщится от утренней изжоги.
Как ни молись, всё множатся враги
и снова нужно повышать налоги.

Как ни молись, всё должен сделать сам:
судить, казнить, предупреждая козни.
Что следует, воздаст он небесам,
не ожидая милости господни.

Кто там вопил: «кровавая резня!»,
«убийца Ирод», «бедные младенцы!»?
Рожали и рожают для меня,
поют осанну – а куда им деться?

И где тот царь, кого на смену мне
сулили полоумные пророки?
...Похоже, дело в греческом вине –
откуда б взяться чертовой изжоге?

Не знает Ирод: года не пройдет,
он кончит жить, и распадется царство,
а мальчик, что рожден в кровавый год,
создаст однажды новой веры братство,

других молитв подымется трава,
и царств иных расчертятся границы,
в капкан короны новая глава
защелкнется и страхом облучится.

Хоть будущее для царей темно,
темней, чем для пророков-отщепенцев,
а все ж понять и Ироду дано:
не стоит, Ирод, убивать младенцев.

2021

Ресницей падает звезда
над Вифлеемом,
и скачут всадники туда
под зимним небом.

Косил с оттягом високок
поля и гривы,
и напоследок все срослось
ох как игриво:

копыт ли стук иль по кресту
на всю пустыню.
Не Вифлеемскую ль звезду
зовут Польшью?

Нет ни единого огня
в промозглом мире,
не видно: скачут три коня
или четыре.

Малая Каргопольская ода

Каркают доски
черных шатров,
дождь кропает
духовный стих.
Жарко-плоски
перья костров,
персты пылают
гроз молодых.

Здесь на стволах стоят облака –
соборы стоглавого борщевика,
марганцем мреет в полях кипрей,
тайная грусть киприды моей.

Верфи развалин, угли домов,
катятся камни черных дымов,
норд по озерным шьет зеркалам
отраженья ватным крылам.

Плату солью
взывает пусть
власть-москова
за свободный путь.
Празднует волю
беглая Русь,
плавит слова
колдовская чудь.

Чахнет розой белая ночь,
чайки чеканят крик во всю мочь.
Плачет живицею божий сын:
час до Голгофы – подарок ФСИН.

Бегство в огонь, взгляд через край,
шаг в красоты ненадежный рай.
Ради каких несожженных крох
выручит нас опаленный бог?

Может, нас соберет он здесь
под журавлиных свистулек песнь
и из Египта вновь поведет
пестрый, глиняный наш народ?
или по кругу опять побредем
глаз остекляя онежским льдом
через пустыни узорных бездн
по бездорожью пустых небес?